

Моей матери

Введение

«...Париж мне по-прежнему мил; я отдал ему свое сердце еще в дни моего детства... Я француз только благодаря этому великому городу: великому численностью своих обитателей, великому — своим на редкость удачным местоположением, но сверх всего великому и несравненному своими бесчисленными и разнообразнейшими достоинствами: это слава Франции, одно из благороднейших украшений мира»¹.

Когда Мишель Монтень² писал эти строки, Парижу сравнялось уже шестнадцать столетий и он весь целиком умещался на пятистах гектарах земли. Сегодня Париж раскинулся на более чем десяти тысячах гектаров. За четыре последних века существования столица Франции увеличилась в двадцать раз.

Монтень, попади он из своего Парижа в сегодняшний, не узнал бы ничего, кроме собора Парижской Богоматери, шпиля Сент-Шапель³, башни Святого Иакова⁴, кусочка Лувра да нескольких стен в Клюни...⁵ Что же до остального: дорог, зданий, транспорта, лавок, звуков, — тут ему просто все показалось бы чужим, ну, кроме разве что названий некоторых улиц на табличках... А если говорить о людях, то, может быть, родными ему показались бы повадки студентов, пробегающих каждый день через скверик у Сорбонны, мимо его мраморного подобия, где Монтень изображен сидящим — совсем по-домашнему, нога на ногу. Скульптура почти не воз-

вышаается над землей — мыслитель на одном уровне с проходящими людьми, на одном уровне с жизнью. Но Факультетская улица*, где уже в наше время Монтеню воздвигнут памятник, на цоколе которого выгравированы сказанные им прекрасные слова, — эта улица показалась бы ему незнакомой.

Тем не менее Париж как город совершенно тот же, потому что, желая рассказать о нем, дать ему определение, воспеть ему хвалу, — мы говорим словами Монтеня, не меняя ни буквы. В ходе веков камни стираются быстрее, чем слова.

Слава города и его долговечность складываются в основном из поступков, горестей, драм, снов и мечтаний людей, поколения которых сменяют одно другое и память о которых сохраняется дольше, чем их жилища. Добавляя после многих других собственную хвалу родному городу, я уступаю при этом своим склонностям романиста. В истории первых веков его существования, часто весьма туманной и неопределенной, я прилагаю особые старания к тому, чтобы различить человека, людей, тех, чьи деяния, следуя одни за другими, сотворили его легенду и соткали его судьбу.

* Rue des Écoles (фр.).

I. Дочь Рима

ЖЕСТ ЦЕЗАРЯ

Люди, которым предстоят великие исторические свершения, появившись на свет, ничем особенно не отличаются от других младенцев. Новорожденные как новорожденные. Так же и города, очаги цивилизации: посмотреть в начале существования — место как место. Предназначение как тех, так и других до поры до времени внешне никак не проявляется, но наступает момент, когда судьба ставит на них свою отметину, открывая тем и другим их место под солнцем и открывая их самих миру.

Естественно, и остров Лютеция⁶ изначально ничем не отличался от сотни таких же, как он, островов. Подобно всем прочим, и этот напоминал изумруд из рассыпавшегося по водам Сены ожерелья. Ничто еще не привлекало внимания к глухой галльской деревушке, окруженной стеной из грубо вытесанных камней. Ничто не привлекало к ней внимания, и остров Лютеция мирно дремал посредине реки, пока весенним днем 53 года до Рождества Христова не появился здесь Юлий Цезарь, который шел из Амьенуа в Гатине⁷, затем дальше — к Сансу⁸ и искал самый короткий путь туда.

Той весной сеноны и карнуги⁹ — племена, жившие близ Санса и Орлеана, — наотрез отказались посылать своих представителей на Галльскую ассамблею, происходившую в амьенском лагере. Цезарь сразу же воспринял их отсутствие на ассамблее как акт неповинове-

ния, поднял свои легионы и двинулся с ними в поход, решив перенести ассамблею в главный город паризиев, который назывался Лютеция Паризиорум¹⁰, — ближайший к мятежным территориям населенный пункт.

Украшенные изображениями орла и волчицы¹¹ штандарты центурионов возникли среди ив и болотной флоры, которая произрастала по правому берегу, — совсем рядом с тем местом, которое сегодня занимает Шатле¹². Легионеры утопали в грязи там, где мы сейчас пробираемся сквозь толпу в часы пик, торопясь в Театр Наций. Участники легендарного похода совсем уже скоро сыграют пролог эпопеи в двадцати актах, длящейся двадцать веков.

Цезарь остановил коня, приподнялся в седле и, указывая на остров, выступавший из воды напротив него, на остроконечные крыши, видневшиеся сквозь одетые листвою ветви, произнес:

— Сегодня вечером я разобью свой лагерь там!

Одним этим жестом он извлек Париж из сумрака — словно вытащил шар с выигрышным номером в лотерее Истории. Цезарь созвал в приглянувшемся ему городке Галльскую ассамблею и тем самым, предвосхищая события, назначил Лютецию Паризиорум на роль столицы.

Четыре года спустя Цезарь стал хозяином в Риме. Но к тому времени он успел мимоходом отметить город, который придет в свое время на смену Риму.

КОЛОННА ТИБЕРИЯ

Стоило Цезарю покинуть Лютецию, паризии взбунтовались. Один из легатов¹³ Цезаря Лабиен¹⁴ разгромил на равнине Гренель войско паризиев с Камулогеном во главе, сражение это происходило на территории, где расположены наше Марсово поле и наша Военная школа.

Подобные совпадения заставляют задуматься. Следует ли, в частности, из этого сделать вывод о том, что действия, когда-то совершенные людьми в некоем месте, накладывают на него отпечаток и остаются в земле, словно зерно, которое постоянно дает всходы одного и того же растения?

Римские войска расквартировались в Лютеции. Вследствие размещения на острове постоянного гарнизона лагерь был укреплен, превращен в *castellum**. Возможно, на месте палатки Цезаря и, несомненно, на месте палатки Лабиена вскоре были воздвигнуты *palatium*, каменное строение, где жил римский префект, и *tribunal*, который он возглавлял и где отправлял правосудие.

С началом правления Августа в прямом подчинении у римского императора находились три провинции Трансальпийской Галлии: Лугдунская со столицей Лугдун (теперешний Лион), Аквитания и Белгика — словом, вся «Косматая Галлия» (*Gallia comata*), как называли ее из-за длинных волос обитателей, — в отличие от старой римской провинции Нарбоннской Галлии, или *Provincia Romana*, — Прованса, где властвовал сенат.

Непосредственные преемники власти Цезаря поочередно навещали Галлию и надзирали за порядком в ней. Сначала Август, который прожил там довольно долго, деля ее на административные единицы, затем Тиберий, тревожное напоминание о котором мы огибаем, проходя мимо Триумфальной арки в Оранже¹⁵, после него — Калигула, организовавший в Лионе первые литературные конкурсы, причем награда, присужденная Калигулой, воспринималась почти так же, как современная Гонкуровская премия. Клавдий родился в Лионе, и римские сенаторы всегда радовались возможности посмеяться над ним, лишний раз поддразнить,

* Укрепленное место, форт, укрепление, крепостца (*лат.*).

назвав галлом. Если Нерон особенно интересовался Грецией, то Гальба и Вителлий¹⁶, правда по необходимости — желая подавить последние вспышки мятежа, снова проложили дорогу в Галлию.

В Лютеции *nautes*, то есть лодочники, морские купцы, которые вместе с рыбаками первыми обеспечили городу процветание, ибо составляли ее основное население и занимались перевозкой товаров по воде, дали обет и в соответствии с ним поставили колонну в честь Юпитера напротив *palatium*'а, с той стороны острова, что смотрит на верхнее течение реки. Это произошло при императоре Тибериусе и почти в то самое время, когда в Иудее сбирь прокуратора Пилата схватили знахаря-ясновидца, который нарушал своими предсказаниями общественный порядок. Впрочем, этому самому Пилату, сосланному во Вьенн, пришлось закончить карьеру в Галлии, где он и умер. Скорее всего — покончил жизнь самоубийством, но причиной были не угрызения совести, правители того времени часто казнили непокорных на кресте: нет, он пребывал в отчаянии, попав в императорскую немилость. Что же до Иисуса Христа, Пилат, должно быть, и само имя его позабыл...

Колонна Юпитера стояла точно на месте Нотр-Дам-де-Пари. Камни, из которых она была сложена, нашли строители XVIII века, когда закладывали фундамент для клироса кафедрального собора Парижской Богоматери¹⁷. Эта колонна — древнейший монумент столицы — давала не один повод для волнения, растроганности: на всех четырех ее сторонах кельтские божества были изображены рядом с римскими богами. Наверное, здесь же располагался и алтарь, где приносили жертвы или оставляли дары.

Дворец и алтарь: франкские короли и христианское богослужение окажутся на одной и той же площадке. А старинный торговый корабль мы видим в центре герба Парижа.

Город, напоминающий корабль, город на воде и богатством своим обязанный воде; даже имя этого города кажется взятым из водяного потока, потому что, вполне вероятно, слово «Париж» уходит корнями в галльское «par», означающее — «корабль».

Однако Лютеции было еще очень далеко до того, чтобы стать в Галлии главным населенным пунктом. Резиденция императорского легата, или прокуратора, находилась в Лионе. Даже в бельгийской части Галлии, Белгике, положение паризиев было более чем скромным, они во всем зависели от сенонов. Позднее церковь, словно расплавленный металл, льющийся в изложницу, по мере завоевания римскими легионами территории Галлии, станет по их следам распространять свое влияние и религиозную юрисдикцию. Именно по этой причине парижский епископ вплоть до царствования Людовика XIII по иерархии подчинялся архиепископу Санса.

Тем не менее, пока длился первый имперский период, город не переставая рос и всячески старался утвердиться. Население вскоре настолько увеличилось, что он уже не умещался на острове: слишком много стало народу, слишком много всего научились делать — развились старые и появились новые профессии и ремесла. Проблему с жильем удалось решить, перебравшись на левый берег: именно здесь возводились новые кварталы жилых домов, здесь сооружались новые общественные здания.

Лютеция, рожденная на месте бивака у пересечения дороги с рекой, и захотела бы — не смогла бы забыть о своем предназначении: стать для начала чем-то вроде появившихся позднее почтовых станций, где меняют лошадей путешественники и торговцы. Вот она и прокладывала новые пути — к Мелену, Мо и Суассону¹⁸, к Понтуазу и Руану¹⁹, к Дрё и Шартру²⁰, становясь центром, откуда звездными лучами во все стороны разбе-

гались дороги. Свое будущее — вот что строила Лютеция, мостя эти дороги, по которым шли и ехали люди со своими чаяниями и плодами своего труда. Но главной оставалась дорога Цезаря, дорога на Санс и Орлеан, где вскоре стало так тесно, что во избежание заторов стали строить новую, параллельную дорогу, *via inferior**, и народ тут же сократил название, чтобы удобнее было произносить, до *via infer*, это «infer» в Средние века превратилось в «enfer», то есть «ад», и стала нижняя дорога дорогой в ад, позже — Адской улицей, *rue d'Enfer*, ну а в последний раз История поиграла в слова еще позже, слив артикль со словом и добавив окончание... и получилась хорошо знакомая нам улица Данфер-Рошро!²¹

Самые древние известные нам парижане носили имена Марцеллус или Тетрикус, Сердус или Солимарус. Утром они отправлялись в термы²² (теперь эти термы можно увидеть в музее Клюни) и, сидя там в клубах пара, беседовали о делах или о политике, обсуждали новости, пришедшие из Рима. Одобряли энергичные меры, принятые легатом императора Марка Аврелия для того, чтобы пресечь распространение христианства во Вьенне и в Лионе. Если им требовалось разрешить какие-то вопросы, связанные с торговлей или системой путей сообщения, они перебирались во дворец префекта, стоящий на острове: здесь обитали городские власти, здесь вершилось правосудие. Иногда в городе давал представления цирк, при нем был зверинец, в цирке выступали жонглеры, в цирке же проводились кулачные бои. Пока еще — хвала Юпитеру! — на арены не бросали христиан на растерзание диким животным, ибо практически некого было бросать, но на нее уже выходили знаменитые гладиаторы, суперзвезды той эпохи. Тогда Сердус и Солимарус, Тетрикус и Марцеллус спешили

* Нижняя, подземная дорога (*лат.*).

к аренам (в район улицы Монж*), устраивались поудобнее в принадлежащих им каменных креслах — о том, что они были владельцами кресел, свидетельствовали вырезанные на камне имена... Вот так и долетела до нас память об этих людях... А летом они ходили в театр — он был выстроен неподалеку от нашей улицы Расина**, на площадке, которую нынче занимает площадь Одеон***, — в самый первый парижский театр, спектакли которого показывались только по утрам. Там играли Сенеку, Теренция и Плавта, там на сцену выходила Федра...

А жили галло-романские горожане, Тетрикус, Солимарус, Сердус и Марцеллус, в «латинском квартале».

ПРОПОВЕДИ ДЕНИ

Древнее — тысячелетнее! — народное предание гласит, что Париж еще до конца I столетия нашей эры обзавелся своим первым революционером. Его звали Дионисий или, на французский лад, Дени. Он родился в Афинах, в юности его потрясла тьма, внезапно упавшая на весь средиземноморский восток в Страстную пятницу²³, а вскоре в Афинах появился с намерением найти здесь новых учеников и последователей святой апостол Павел. Дионисий принял от него крещение и основал первую афинскую христианскую общину, стал афинским епископом. Позже он отправился в Рим, где в то время правил Нерон, бросивший апостола Петра вместе с учителем Дионисия Павлом в темницу: святые апостолы обвинялись в неповиновении закону, злоумышлении и намеренном поджоге²⁴. А уже после этого

* Rue Monge (фр.).

** Rue Racine (фр.).

*** La place d'Odéon (фр.).

третьим последователем Петра, епископом Климентом²⁵, ему была поручена миссия отправиться в языческую Галлию и проповедовать тогдашнему населению Парижского региона Слово Божие.

Увы, увы! Более внимательное прочтение Григория Турского²⁶, далекого предка всех французских историков, не позволяет нам думать, что Дионисий, первый епископ Афин, и Дионисий, первый парижский епископ²⁷, — один и тот же человек. Это было бы слишком прекрасно, чтобы быть правдой. Двух Дионисиев разделяет сто пятьдесят лет, и они-то и обязывают нас отказать от столь лестного отождествления. Парижский епископат был основан при императоре Деции²⁸, в середине III века, но никак не в царствование Домициана²⁹.

Тем не менее остается верным то, что Дионисий Парижский пришел к нам из Рима, что он, скорее всего, грек и в любом случае вскормлен эллинизмом, как и многие проповедники Деяний апостолов. Остров был официальной резиденцией религиозных властей, христианство находилось под запретом, потому Дионисию пришлось излагать людям свою философию свободы, равенства и братства на самой окраине — там, где уже начинались поля, в предместьях на левом берегу. Строго говоря, он не призывал к мятежу, он просто отрицал божественное происхождение императора и боролся за отделение церкви от государства, где священнослужителям следует быть посланниками Духа, а не находиться на службе у власти. Коренных жителей, притесняемых римскими оккупантами, рабов и даже молодежь из знатных семейств привлекала новая мораль, на проповеди Дени в построенном им храме собирались целые толпы. То место, где первохристиане устраивали свои трапезы, состоявшие попросту из хлеба и вина, где они совершали богослужения, прославляя Господа и Пресвятую Деву Марию, и сейчас служит для отправления

религиозного культа, сегодня здесь располагаются сама церковь Нотр-Дам-де-Шан³⁰ и ее приход.

Но вернемся в III век. Император Домициан послал в Париж префектом своего военачальника Сисиния, чтобы тот казнил тамошних христиан. Первыми были взяты под стражу смутьян Дионисий и два его ближайших сподвижника, Рустик и Елевферий. Их бросили в тюрьму Глоция на набережной Цветов. Префектура парижской полиции и поныне находится в этих краях.

После допроса Дионисия и его товарищей повели к северу от города, к холму, где тогда возвышался храм Меркурия. Воспоминание о пути, по которому они шли, о той прямой мощеной римской дороге, сохранилось в названии улицы Мучеников*.

По пути на казнь истерзанного пытками Дионисия еще трижды спросили, не желает ли он покориться императору и принести языческим богам жертвы в обмен на жизнь. Но ему было девяносто лет, и он решил, что спасать ему уже почти нечего, стало быть то, что можно спасти, не стоит отречения. После третьего отказа ему, священнику Рустiku и дьякону Елевферию отрубили голову, а гора, где была свершена казнь, и по сей день называется горой Мучеников, *Mons martyrum* на латыни, Монмартром.

После казни у присутствующих случилась коллективная галлюцинация, а может быть, избыток фантазии у народа расцвел рассказы очевидцев о мученичестве святого, но утверждают, что люди видели, как Дионисий встал с плахи, поднял с земли свою голову с длинной белой бородой, подошел к ближайшему роднику, омыл ее и продолжил путь к северу. Он прошел таким образом расстояние в шесть тысяч шагов... Кое-где говорится, что четырнадцать километров.

Чудо — это то, во что верят.

* Rue des Martyres (*фр.*).

Могила святого Дионисия Парижского очень скоро стала почитаемым местом — примерно как гробница отшельника у мусульман. Ходили слухи, что земли вокруг нее, как по волшебству, стали невероятно плодородными. Позже здесь поселились монахи-бенедиктинцы, король Дагоберт³¹ выбрал монастырь Сен-Дени местом своего захоронения, и Сен-Дени превратился с тех пор в королевскую усыпальницу.

Однако Дионисий подарил Парижу куда больше, чем возможность паломничества и место упокоения монарших останков. Он принес в город римского права эллинский дух. После него левый берег никогда не переставал быть приютом для философов, мыслителей, учителей и реформаторов, неустанно стремящихся к глубочайшему познанию человека и самой справедливой морали. Здесь вплоть до наших дней велись и ведутся сегодня настоящие афинские диспуты.

КОРОНАЦИЯ ЮЛИАНА

Прошло меньше века, и новая религия из преследуемой стала почти официальной. Константин Великий³², покидая незадолго до начала 312 года Галлию, где во время многочисленных войн своего отца получал военное образование, взял себе эмблемой крест, потому что это помогало ему прокладывать среди кровопролитий и убийств дорогу к верховной власти. Он дошел до города Византия, который стал с тех пор носить имя Константинополь. Этот безжалостный к соперникам первый христианский император вовсе не был тем святым героем, каким его благоговейно рисует предание, и образцом христианской добродетели тоже отнюдь не был. Всемогущий язычник, принявший христианскую веру и называвший на созванном им Вселенском соборе в Никее собравшихся там епископов «братьями и со-

служителями», не постеснялся убить своего сына Криспа, его мачеху, свою жену Фаусту, своего тестя, своего зятя...

Выйдя из катакомб, христиане, казалось, вознамерились расширить трещины, которые уже наметились в великом римском здании, приблизить упадок Римской империи. Империя к этому времени была столь обширна, что столица оказалась на дальней, восточной ее оконечности, и корона ее то и дело продавалась тому, кто больше заплатит, а потому служила причиной кровавого сведения счетов между честолюбивыми соперниками. Слишком уж много непохожих один на другой народов ее населяло, слишком много наемников из краев, где до мира было далеко, составляли ее армию, слишком часто накатывали гигантские волны переселенцев — они тысячами шли, шли, шли из Азии, малопомалу продвигались по Восточной Европе, и этот грозный прибой постоянно бился о берега служивших естественными границами рек — Дуная и Рейна. И вот уже в империи колеблются между двумя разными религиями: древней, терпимой по отношению ко всем иноверцам, и новой, не терпевшей никакого соперничества.

Неужели этот христианский Бог рассыпает карающий огонь повсюду? Когда при Нероне горел Рим, ученики апостолов Петра и Павла радостно кричали, что на город обрушилась Господня кара, а иначе и быть не могло, поскольку Рим — это новый Вавилон, вселенское скопище грехов. Но маленькая Лютеция — что она то сделала такого, чем заслужила столь великое наказание? Тем не менее и ее не раз пожирал огонь. Пламя обратило в руины весь прекрасный левый берег, и, поскольку времена процветания прошли, торговля — хоть на суше, хоть по водным путям — заметно сократилась из-за того, что обстановка везде была беспокойной, из-за того, что войска постоянно перемещались, из-за мятежей и подстрекательств к бунту, из-за войн,

которые то и дело разжигались претендентами на трон Римской империи, из-за постоянной угрозы вторжения чужаков, — восстанавливать его уже не стали. Предпочли разбить виноградники вокруг разрушенных терм и обуглившихся храмов. Население сосредоточилось на острове, в Сите³³: к построенным там домам теперь добавляли этажи.

А что стало с налогами и пошлинами? Снизились ли они, когда уменьшились денежные средства и материальные возможности, когда сузился круг источников дохода? Ничуть не бывало, даже наоборот! Не только сегодня, но и уже тогда парижане бранили фискальные органы и посланных ими сборщиков... Из всего немалого состава римской администрации осталась активной и действенной, даже чересчур действенной, только сеть сборщиков налогов, душивших страну поборами, добавляя к стольким разнообразным бедствиям, ее терзающим, еще одно, вгоняя ее в беспросветную нищету.

Но наступил февраль 358 года, и в Лютецию явился вестник надежды. Ему было двадцать пять лет, его звали Юлиан, и он носил титул цезаря, а это со времен Диоклетиана означало, что вы видите перед собой законного наследника императорской власти. Юлиан, то есть Юлий... Цезарь... эти имена, спустя четыре столетия вновь соединившиеся, показались парижанам решительно благоприятными для их города. Давайте на минутку остановимся и получше познакомимся с тем, кого можно считать вторым основателем Парижа. Он этого заслуживает.

Флавий Клавдий Юлиан Цезарь³⁴, племянник Константина Великого и двоюродный брат императора Констанция II, который был в то же время и его шурином, потому что Юлиану пришлось, из государственных соображений, жениться на сестре императора Елене. Единственный, кто уцелел из семьи, где никто никогда не

умирал от старости и где редко умирали от болезни, где в самом широком употреблении были братоубийство, детоубийство, отцеубийство, вообще убийство любого родственника, свойственника или кого-то из кумовьев.

Сыновья Константина Великого, желая устранить со своего пути любого возможного соперника, уничтожили родню почти целиком. Констанций³⁵ из всей семьи оказался в этой резне единственным победителем, Юлиан — единственным, кто ее избежал.

Тем не менее императорская власть по-прежнему была под угрозой, ведь к престолу стремится каждый, а некоторые даже и не ждут, когда путь к нему окажется открыт. Это было время государственных переворотов, ведь любой военачальник, если в его жилах текло хоть немного крови искателя приключений, лелеял надежду, что подчиненные ему войска провозгласят его цезарем, и потому самые великие сражения века происходили между императором и его военачальниками. Разве мы не помним германского офицера Максенция³⁶, который, надев в Отёне пурпурную мантию и захватив власть над Галлией и западом Римской империи, вынудил Константина Великого покинуть свою столицу, чтобы разбить наглеца в Паннонии и преследовать его до Лиона? Разве мы не видели чуть позже главаря франков Сильвана³⁷, который, находясь во главе пехоты, присвоил императорский сан и процарствовал там, где нынче Кёльн, всего двадцать восемь дней?

Юлиан всю юность провел практически в ссылке — под надзором в резиденциях, расположенных на территории сегодняшних Греции и Италии. Воспитанный в христианской вере, он вскоре отверг ее и с радостью вернулся к практике древних, языческих культов. Может быть, его подтолкнули к этому чересчур уж прекрасные примеры «милосердия и любви к ближнему», которыми изобиловала история его семьи? А может быть, он питал врожденное отвращение к конфликтам

и интригам, раскалывавшим духовенство, проповедующее новую религию, при которой раскол следовал за расколом, при которой каждый объявлял соседа еретиком? Впрочем, скорее всего, Юлиан, проникшись эллинистической философией³⁸, которую он долго изучал в изгнании, обернулся лицом к религии, которую неверно называли языческой, как к самому чистому отражению этой философии. Кроме того, с политической точки зрения Юлиан обнаружил в христианстве принципы, противоречащие принципу абсолютной власти, заложенному в основу Римской империи³⁹, а стало быть, непригодные для сохранения этой империи.

Память о Юлиане Цезаре была запятнана, и вплоть до наших дней его имя неизменно сопровождается прозвищем Отступник, намеренно приклеенным к нему историками Церкви, хотя Юлиану гораздо больше подошел бы титул Реставратора.

Этот молодой человек куда более склонен был учиться словесности, чем воинскому искусству... Этот молодой человек даже в палатке во время отдыха между сражениями продолжал сочинять эпиграммы, писать мемуары, эссе, посвященные догматам, и оды Солнцу... Этот молодой человек в первый же год своего командования войсками вымел с территории между Вогезами и Кёльном аламанские племена⁴⁰, но чуть не погиб, застигнутый врасплох в Сансе, когда аламанское войско добралось-таки до города и осадило его. На второй год Юлиан все же разбил объединенную франко-аламанскую армию, а одержав решительную победу, прогнал побежденных с левого берега Рейна, который они занимали.

Странное время, когда границы были условны, а линии, разделявшей народы, власти и религии, не было вовсе! Франкские племена мы видим среди захватчиков, но выступавшие против них войска тоже большей частью состояли из франков. Нашествие варваров?⁴¹

Нашествием этим Европа обязана не столько самим варварам, сколько императору Констанцию, открывшему им широкую дорогу в Галлию в надежде, что таким образом создаст непреодолимые трудности для своих взбунтовавшихся военачальников. Варвары пересердствовались, откликнувшись на приглашение, и Констанций поручил Юлиану поставить их на место. Интересно, когда император давал это поручение, кому он желал поражения: варварам или все-таки своему возможному наследнику? Как бы то ни было, Юлиан обнаружил, что некоторые из отданных под его командование военачальников не слушаются приказов, надеясь тем самым услужить императору.

Но вот наконец-то Юлиан победил всех: и врагов, и друзей, у Галлии обозначилась граница по Рейну — совсем как в счастливые времена Августа⁴² или Траяна⁴³, а ее почтовые станции и перегоны⁴⁴ охранялись преданными цезарю войсками.

Вместе с безопасностью в Галлию вернулось процветание. Главную свою резиденцию Юлиан разместил в *civitas parisiiorum** — по примеру Цезаря, разместившего там Галльскую ассамблею, и по тем же причинам.

А парижане к тому времени начали бояться вторжений с востока (аламаны стояли в двадцати пяти лье от Лютеции) и потому с благодарностью приняли просвещенного государя, который отвел от них столь близкую и реальную угрозу. Юлиан показал себя таким же мудрым правителем, каким великолепным был полководцем. Он пресек злоупотребления сборщиков налогов и пошлин, и ему удалось сократить сборы на две трети. Отныне Галлия только и делала, что на все голоса — просто до хрипоты! — восхваляла цезаря Юлиана.

В Лютеции снова выстроились вдоль берегов рыболовы с удочками, по Сене вновь пошли суда, потянулись

* Дословный перевод — «город паризиев».

баржи, нагруженные зерном, винами, шерстью и кожей. Заполнились товаром городские амбары и склады. Заработали каменоломни в карьерах Парнасской горы⁴⁵ и в долине Бьевра⁴⁶: опять понадобился камень для строительства.

Юлиан прожил в Париже три года — точнее, три зимы, остальное время посвящалось военным действиям и инспекционным поездкам. В эти зимы цезарь и управлял государством, а по ночам — в комнате без огня, как он сам захотел, — писал свои творения.

Позже Юлиан с ностальгией вспомнит: «Я жил тогда в своей милой Лютеции — или, именуя ее так, как именуют в Галлии, городе Паризиев. Лютеция расположена на острове посреди реки, деревянные мосты соединяют его с обоими берегами. Уровень этой реки редко повышается или понижается: какова она летом, такова будет и зимой. Воду из нее пьют чрезвычайно охотно, настолько она чиста и приятна на вид...»

Он станет петь хвалу мягкому климату древнего Парижа, несмотря на то что однажды видел из окон своей резиденции «плывущие по Сене льдины, точь-в-точь похожие на мраморные доски». Он высоко оценит качество вин и искусство выращивать смоковницы, которое проявлялось в том, что «их одевали, как в платья, пшеничной соломой, чтобы укрыть от холода и ненастья».

Париж вскоре позабудет не только благодеяния, оказанные ему Юлианом, но чуть ли не само его имя. Но тем не менее — подобно ребенку, прожившему какое-то время с мудрым, богатым и всемогущим родственником и всю жизнь носящему потом на себе эту отметину, — в память (пусть бессознательную) о том, как наш город три года был истинной столицей Западной Римской империи, он сохранит привычки главного города — города, который правит, — и вести себя будет как столичный.

СОДЕРЖАНИЕ

Париж от Цезаря до Людовика Святого

Перевод Н. Васильковой

Введение	7
I. ДОЧЬ РИМА	
Жест Цезаря	9
Колонна Тиберия	10
Проповеди Дени	15
Коронация Юлиана	18
Победа Аэция	27
II. СТОЛИЦА ФРАНКОВ	
Решение Хлодвига	34
Могила Женеьевы	39
Крыша Хильдеберта	42
Казнь Брунгильды	46
Трон Дагоберта	50
III. ЗАБЫТЫЙ ИМПЕРИЕЙ	
Безучастность Карла	56
Коронация Пипина	59
Без Карла Великого	67
Противостояние Эда	75
Аллилуйя Оттону	84
IV. ГЛАВНЫЙ ГОРОД КАПЕТИНГОВ	
Ассамблея Адальберона	93
Дворец Роберта	97

Разочарование Анны	103
Домен Людовика	109
Школа Абельяра	113

V. РАБОТА ВЕКОВ

Базилика Сугерия	121
Собор Мориса Сюлли	131
Завещание Филиппа Августа	135
Архивы Людовика Святого	146

Истоки и берега

Перевод С. Васильевой

Средиземноморью посвящается	157
I. ПРОВАНСАЛЬСКИЙ БЛЕСК	
Многоликий Прованс	161
Олива	164
Бо-де-Прованс	166
Миндаль	170
Ла-Кро	172
Кипарис	174
Камарг	177
II. ПОБЫВАТЬ ВО ФЛОРЕНЦИИ	182
III. РУКИ СВЯТОГО ПЕТРА	206
IV. ЗИМА НА КАПРИ	209
V. СИЦИЛИЙСКИЕ ПРОГУЛКИ	216
VI. КИПР, ПРИЧАЛ ЦИВИЛИЗАЦИЙ	243
Комментарии. Н. Василькова, С. Васильева	269